Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ

III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

Том II

Ответственные редакторы
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*
Член-корреспондент РАН *Е.Н. Носов*

Санкт-Петербург — Москва — Великий Новгород
2011

нец (цитадель), к внешним укреплениям примыкают кладбища, в том числе (Иднакар, Анюшкар) мусульманские домонгольского времени, отделяется хозяйственно-производственная часть поселения.

Описываемые городища отличались высокой бытовой культурой населения. Здесь, впервые в Прикамье, проявились тенденции к повышению комфортности жилищ и приспособлению их к более активной производственной деятельности: в помещениях выделяются зоны работы и отдыха, а иногда даже отдельные «комнаты»; появляются такие элементы мебели, как столы и полки, о чем свидетельствует наличие специфических керамических подставок-валиков для установки традиционных круглодонных сосудов на плоскую поверхность; наряду с забранными в деревянную раму открытыми очагами на толстой глиняной подушке распространяются глинобитные печи и чувалы; земляные полы жилищ покрываются глиной и досками.

Таким образом, в X–XIII вв. в Волго-Камье сложился опорный городской каркас. Однако последующие военно-политические события и этнические процессы привели к тому, что из десятков средневековых городов в статусе города к Новому времени сохранилось не более 2–3 населенных пунктов в Среднем Поволжье. В Предуралье средневековые города не уцелели, здесь новый городской каркас сложился лишь в ходе русской колонизации, когда в XV–XVI вв. возникли Чердынь, Соликамск и иные города.

О.Б. Беликова
Томский государственный университет, Томск

Чердатский клад – памятник монгольского времени юга Западной Сибири

Для реконструкции историко-культурных событий начала II тыс. н. э. на территории таежного Причулымья (юг Западной Сибири) актуально исследование материалов Чердатского клада. В 1902 г. на левом берегу Чулыма (правый приток Оби), на склоне горы у с. Чердатского Мариинского уезда Томской губернии (современный Зырянский р-н Томской обл.) были найдены артефакты, хранящиеся ныне в Эрмитаже. Печатная информация о них появилась в «Отчете Императорской археологической комиссии за 1902 год». В нем, помимо скупых данных о месте нахождения «клада», был изложен перечень и дано краткое описание 9 вещей, 3 из которых сопровождались фотографиями (Отчет… 1904. С. 142, 143. Рис. 256–258). Вскоре Я.И. Смирнов опубликовал фотографии всех этих находок (Смирнов, 1909. С. 12. Табл. С: *213–219*. Рис. 39, 40), но без какой-либо дополнительной информации.

Точные условия нахождения вещей остаются неизвестными. Возможно их происхождение из разрушенного погребения, в том числе его «тайника». По этой причине обозначение предметного комплекса «кладом» достаточно условно. Неясно, в какой степени коллекция, отраженная первоисточником (Отчет… 1904), соответствует составу клада при его обнаружении. Не исключено, что вещей в найденном в 1902 г. комплексе было больше, а на хранение в дальнейшем поступили только предметы из драгоценного металла – как наиболее ценные. Так или иначе, клад состоит из 9 предметов. Это серебряная пиршественная и ритуальная посуда: 2 кубка на поддоне, с арочным и растительным орнаментом; 2 глубокие на поддоне чаши, на венчик которых нанесен бордюр с растительным побегом; 2 низкие чаши; 1 низкая чаша, на дне которой изнутри вычеканен первый знак знаменитой буддийской молитвенной формулы «ом мани падме хум». В состав клада также входили обломок металлического зеркала и колечко (или скоба?).

Многочисленные аналогии посуде (могильник Часовенная Гора и др.) определяют общую датировку клада пределами XIII–XIV вв. Два кубка и чашу со знаком «ом» Ю.И. Елихина атрибутировала так: «Золотая Орда или Династия Юань. XIV в.» (Сокровища Золотой Орды… 2000. С. 210, 211). По современным материалам, знак «ом» на чаше из Чердатского клада для таежного Причулымья является самым архаичным буддийским символом, а для Западной Сибири эпохи Средневековья, видимо, одним из самых северных эпиграфических памятников буддизма.

Одна из моих версий исторической интерпретации Чердатского клада связывает его с историей кыргызов таежного Причулымья. Появление здесь первых групп кыргызов фиксируется в X в.; их дальнейшее пребывание, а также миграции в этот район, – до конца XIII в. В таежном Причулымье, преимущественно в археологическом микрорайоне, тяготеющем к территории устий рек Яя и Кия (левые чулымские притоки), исследованы курганные могильники Змеинкинский, Калмакский, Иловский X–XIII вв., представляющие среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов (Беликова, 1996; и др.). Материалы Чердатского клада позволяют говорить о том, что в монгольское время среднечулымские земли кыргызов в какой-то мере были включены в состав владений монгольской империи Юань (1271–1368 гг.). Клад мог быть связан с военными поселенцами в таежном Причулымье. Ведь известно, что после разгрома енисейских кыргызов

в 1293 г. юаньским полководцем Тутухой на завоеванные земли стали перемещать семьи, верные Юаньской империи, где буддизм с XIII в. был государственной религией.

Для вывода о «монгольском» следе, базирующегося на материалах Чердатского клада, показательны некоторые тезисы о формировании чулымских тюрков – коренного этноса Причулымья. В их числе – разыскания Э.Л. Львовой относительно антропонимов Каргачинской волости, располагавшейся по Чулыму на той территории, где как раз и был найден Чердатский клад. Она установила, что собственное имя родоначальника обитателей этой территории – Пергай (Бергай) – «по форме чрезвычайно схоже с антропонимом монгольского происхождения Берке» (Львова, 1980. С. 81–84). Исследование языка чулымских тюрков допускает, что их предки контактировали в XIII–XIV вв. с монголами (Рассадин, 1980. С. 51). Анализ же археологических материалов среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов X–XIII вв., с которым, скорее всего, как раз и связан Чердатский клад, предполагает участие периферийной, северной, группы кыргызов в этногенезе чулымских тюрков.

Исследование вопроса о распространении власти монголов на территорию таежного Причулымья XIII–XIV вв. особо значимо для реконструкции истории монгольского государства, енисейских кыргызов Южной Сибири и народов Западной Сибири.

***

Беликова О.Б., 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск.

Львова Э.Л., 1980. Об одном из компонентов в составе чулымских тюрков // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 год. СПб., 1904.

Рассадин В.И., 1980. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.

Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Изд. Императорской археологической комиссии ко дню ее пятидесятилетия. СПб.

Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки (на татар., рус. и англ. яз.) / Науч. ред. М.Б. Пиотровский. СПб. , 2000.

М.А. Белов

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Могильник Аушедз в системе средневековых древностей

В 2007 г. археологический отряд ЮНЦ РАН проводил раскопки средневекового грунтового могильника в Северском р-не Краснодарского края. Могильник расположен на первой террасе правого берега р. Сухой Аушедз, левого притока Кубани. Всего исследованы 42 погребения, совершенные по обряду ингумации. Часть из них разрушена траншеей и сохранилась фрагментарно.

Удалось проследить интересную деталь общей планировки могильника: погребения в нем расположены рядами, идущими с СЗ на ЮВ, расстояние между могилами не более 0,2–0,8 м. Захоронения, вероятно, как-то отмечались на поверхности, т. к. случаи разрушения соседних костяков единичны. Обряд захоронения стандартен: скелеты лежат вытянуто на спине, черепами на ЮЗ, без подсыпок и подстилок. Из-за небольшой глубины погребений форма ям не прослежена.

Половозрастной состав исследованной части могильника: мужские погребения – 19, женские – 14, детские – 10. Средний возраст погребенных около 30 лет, но не превышает 50. Продолжительность жизни у женщин в среднем на 5–10 лет больше. Почти у всех погребенных наблюдаются болезни зубов. Только в одном мужском погребении прослежены следы возможной насильственной смерти.

Погребенные сопровождались разнообразным инвентарем. Почти во всех могилах найдены железные черешковые ножи, преимущественно располагавшиеся слева или справа от таза, на некоторых сохранились остатки деревянных ножен. Несколько массивных ножей с лезвиями, усиленными ребрами жесткости по спинке и пяте клинка, могли использоваться как боевые (рис. 1: 1). При исследовании могильника обнаружено шесть сабель, три из них in situ, а остальные – в разрушенных землеройной техникой погребениях. Все они средней изогнутости, с бронебойным наконечником (елманью) и накладками у пяты клинка (рис. 1: 2). Два сохранившихся перекрестия ромбовидной формы. В нескольких погребениях найдены железные колчанные петли (рис. 1: 3) и наборы черешковых наконечников стрел различной формы (рис. 1: 4). Сабли со слабым наклоном черешка рукояти к режущей стороне клинка характерны для XIII–XIV вв., к этому же времени относятся и типы железных наконечников стрел. К предметам вооружения, вероятно, можно отнести и железную шестилучевую бляху редкого типа (рис. 1: 5). Находки аналогич-